

рил: сердце не выдержит. Чтобы не расшифровывать, сослался на того же Гераклита: нельзя вступить дважды и т. д. Расшифровка, однако, просвечивала: пусть не думают, что простил.

«Наказал» Россию — пренебрежением. Даже русскую речь наказал — «рабскую»! — тем, что воспоминания о родителях написал по-английски.

В стихах русским языком пренебречь так и не смог — писал стихи по-русски до последнего дня.

Вот наконец портрет Державы: картина нежной шаткости, подпертой железом:

Этот край недвижим. Представляя объем валовой
чугуна и свинца, обалделой тряхнешь головой,
вспомнишь прежнюю власть на штыках
и казачьих нагайках.
Но садятся орлы, как магнит, на железную смесь.
Даже стулья плетеные держатся здесь
на болтах и на гайках.

Варварский способ укрепить жизнь, распадающуюся от внутреннего варварства. Град, зацепившийся за берег Океана. Портрет России, написанный остывшей желчью — эликсиром спасения от перегоревшей любви.

Эта горькая связь теперь нерушима. Во-первых, перед нами все-таки портрет России. Во-вторых, перед нами поэзия, созданная на русском языке, — и именно среди русских ей обеспечено адекватное чтение. В-третьих, это все-таки диалог России с Вечностью, как бы горек он ни был.

Пилигриму же, представшему перед Всевышним «в области адской» (я думаю, все-таки — райской), можно на прощание вернуть реплику: Джозеф! Обойдемся без мелодрамы: ах, мы осиротели! Покинуть сей бранный мир — не жалко. «Мир — весьма дикое место и не заслуживает лучшего отношения». Будем же вести себя, как будто ничего не произошло.

Последний взгляд на Россию, в декабре 1994-го, за год до смерти:

На севере если и верят в Бога,
то как в коменданта того острога,
где всем нам вроде бока намяло,
но только и слышно, что дали мало.

Кому мало дано, с того мало спрошено.
Тут — много. И дано, и спрошено, и отвечено.

РЕЦЕНЗИИ

ЗАПАХ ВОЙНЫ

Борис Бартфельд. Возвращение на Голгофу: Роман. М.: ЭКСМО, 2017.

Калининградский поэт Борис Бартфельд написал и напечатал роман «Возвращение на Голгофу». Яркое и вызывающее название. Сразу оговорюсь: это не проза поэта, которая предполагает рефлексии, поиски себя в пространстве и уход в собственное «я»... Бартфельд и раньше писал и публиковал прозу. В основном

рассказы, а тут — отважился на роман, в котором от пролога к эпилогу исторические персонажи живут и умирают, пробиваются сквозь туман метафизики и цепляются простотой и достоверностью повествования. А еще русская армия переходит границу Восточной Пруссии в августе 1914-го, и в этом же месте через тридцать лет Красная армия выходит к границам Германии. Именно так, по Бартфельду, русские офицеры всходят на свою Голгофу в прямом и фигуральном смысле. И вот тут в авторе проступает поэт. Поелику что такое Голгофа?..

Это горькая и мучительная поэзия Господа и всех нас. Одна из двух главных святынь христианства. И здесь ключ к названию и пониманию романа. Поскольку место, где русские войска в августе 1914 года и советские осенью 1944 года готовятся к наступлению на Восточную Пруссию, называется литовской Кальварией, что на латыни означает Голгофа. Попутно замечу: книг, имеющих отношение к Первой мировой, в последнее время почти не издается. Не припомню. Так ведь и памятников тем событиям почти нет в России. Один из лучших в Калининграде. В том Калининграде, в истории которого писатель Б. Б. плавает, как рыба в воде. Поэтому и примечания к роману читаются как познавательное продолжение и уточнение. Тут тебе и «проклятый жителями Пруссии» нацистский преступник Эрих Кох, который в конце войны пытался бежать от англичан на ледоколе, и заместитель наркома обороны СССР А. Покровский, и города и населенные пункты Кёнигсберга, и даже западноукраинская Коломыя... И даже графическая карта романа, данная в дополнение. Все выпукло и подробно.

Автор мастерски и как-то простодушно (попробуй соедини такое!) описывает чувства простых солдат и офицеров советской и немецкой армий. Их мечты и победы, заморочки и наивные представления о мире. Вот наши солдаты находят записки военнопленных, и их начальник товарищ капитан читает: *«Завтра, 10 октября, нас погонят обратно в Гердауэн. Немцы вот-вот ожидают наступления Красной Армии. Ребята, бейте гадов, сообщите домой, что в октябре мы еще живые и работаем здесь...»* Капитан заканчивает читать, и вдруг... солдаты снимают шапки, кто-то даже смахнул слезу, будто прощался с близкими, хотя из этого рассказа не видно, что пленные погибли. Не видно, но — пробивает!

Абсолютно современной видится картинка, которая больше напоминает документальное кино, как каратели как-то уж совсем обыденно сжигают белорусскую деревню. Кстати, роман так и просится стать современным, если уж не сериалом, то двухсерийным фильмом точно. Вообще, за яркие «вспышки», вызванные будничными сценами, автору отдельное спасибо. Вот надвигается новый, 1945 год. Командир думает, как бы устроить батарейцам хороший ужин, обговаривает это с поваром. И через страницу читаем:

«...вокруг походной кухни сгрудились солдаты. Старый повар лежал на спине в луже крови. Пуля попала ему в горло, порвала артерию, не оставив никаких шансов на жизнь. Оставшаяся в котле мясная каша адела теперь свежей кровью».

Да, я как-то забыл обозначить главного героя произведения. Это, безусловно, капитан Орловцев. Возможно, именно он выражает главную авторскую позицию. Пожалуй, слово позиция тут не годится. Столько лет прошло с тех событий! Скорее, автор всматривается в своих героев через какую-то только ему видимую оптику. Одновременно — призрачную и ясную. И наверняка чувствует запахи тех войн, и запахи мутных и прозрачных озер и рек описываемых событий, и невероятный воздух Балтики, и перекличку чаек, и шепот призраков над развалинами замков, и невероятный шум оглушительных снарядов... Почему-то вспомнилось: *«...три дня они бомбили город, и города не стало, города не люди и не прячутся в подьезде...»* Сказано о другом городе, но какая разница?..

Есть такая расхожая мысль: классная проза возникает из густоты смыслов, а густота смыслов определяется их философским существованием. Короче, настоящий писатель всегда пишет о жизни и смерти, то есть о самом главном. По-видимому, это так... Что же тогда сказать в заключение? Наверное, вот что: вплоть до начала XVIII века всякий художник сам смешивал себе краски. Кстати, и сегодня в Венеции любой жаждущий может прийти в специальный магазин и купить себе пигментов из мешочка. Смешать и работать по-своему. Так и Борис Бартфельд сам смешал свои краски и сработал по-своему, сработал для нас роман *«Возвращение на Голгофу»*.

Евгений ЧИГРИН